М.П. Одесский

В.М. Молотов – Л.М. Леонов – А.О. Авдеенко:
очерки советской «публичной культуры»
(август–сентябрь 1940 г.)

В статье анализируется пропагандистская кампания, которая проводилась в советской периодике в августе–сентябре 1940 г. Она была инициирована докладом В. Молотова, который на фоне начавшейся Второй мировой войны призвал общество к «мобилизационной готовности». В литературе это обусловило правительственный заказ на изображение человека героического и добродетельного. Установка на «мобилизационную готовность» объясняет критику писателя А. Авдеенко за пристрастие к негативным персонажам, по этой же причине подверглась критика пьеса Л. Леонова «Метель».

Ключевые слова: Леонид Леонов, Александр Авдеенко, Вячеслав Молотов, советская периодика, «мобилизационная готовность».

К концу 1939 г. Л.М. Леонов закончил пьесу «Метель». В апреле–марте 1940 г. состоялось 13 театральных премьер «Метели», пьесу единодушно приветствовала пресса, в августе 1940 г. обсуждался вопрос о выдвижении на Сталинскую премию по разряду драматургии. Удивительно здесь то, что пьеса показывала атмосферу страха и доносов, царящую в СССР, успехи клеветников и бедствия совестливых людей. Объяснение тому, что опасную пьесу столь позитивно приняли, целесообразно искать, вписывая ее в пропагандистский контекст советской прессы того времени¹. Тогда окажется, что «Метель» соответствует основным положениям доклада А.А. Жданова на XVIII партсъезде в марте 1939 г., который, в свою очередь, развивал идеи январского Пленума ЦК 1938 г. Согласно решениям этого пленума, в стране существуют «клеветники» и «карьеристы», доносами спровоцировавшие

репрессии против честных коммунистов, которых теперь необходимо реабилитировать. Надо отметить, что подобные призывы к реабилитации не отменяли, но дополняли практику «большого террора». Тем не менее сюжет январского Пленума, актуализированный на XVIII съезде, привел к некоторым послаблениям в области литературы.

Однако 16 сентября 1940 г. Оргбюро ЦК (в присутствии Сталина, Жданова и др.) приняло фатальное для Леонова решение, которое 18 сентября дублировало и Политбюро ЦК, выпустив специальное постановление, осуждавшее пьесу «Метель» «как идеологически враждебную, являющуюся злостной клеветой на советскую действительность», а Председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко указали, что он допустил «грубую политическую ошибку, разрешив к постановке пьесу “Метель”» и при повторении подобных ошибок будет смещен с должности². Следуя той методике, которая позволяла толковать успех «Метели», целесообразно обратиться к причинам ее осуждения, т. е. обратиться к тексту официальной пропаганды.

Рассматривая «Правду» за август–сентябрь 1940 г. как единый текст, прежде всего, необходимо акцентировать значение внешней политики. В это время в состав СССР вошли Молдавия (образованная на территории отторгнутой у Румынии Бессарабии) и прибалтийские республики, кроме того, отмечаются юбилеи: год присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии и полгода присоединения Выборга и создания Карело-Финской советской республики. Казалось бы, столь впечатляющие территориальные приращения должны были вселять горделивый оптимизм. И, разумеется, вселяли.

Для 1939 г., когда в состав СССР вошли территории, населенные украинцами и белорусами, сгодился вариант «славянской идеологии» – теперь была нужна другая. В.М. Молотов вспоминал позднее:

Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?» Я ему сказал: «Объясним». Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу³.

В самом деле, теперь понадобилась актуализация культа социалистического государства, к которой – объясняя присоединение

новых территорий, некогда входивших в Российскую империю – добавили идею общего исторического прошлого. Ощущение создания новой социалистической империи наглядно иллюстрирует стихотворение Евгения Долматовского «Картограф» («Правда», 17 сентября, 3-я полоса), географические перечни которого напоминают оды XVIII столетия:

Здесь были рек кривые строчки,
Равнины, горные места.
Далеких городов кружочки,
Границы жирная черта.
Уж голубою краской яркой
Картограф обводил моря.
Работа вся пошла насмарку
Семнадцатого сентября.
Под Гродно и под Белостоком
Короткий вихрь отбушевал,
И снова на листе широком
Картограф карту рисовал.
А мы уехали на север,
Где руку занесла война.
Была зима, балтийский ветер.
Артиллерийская страда.
Меж тем картограф кончил карту.
Работой любовался он,
В ночь на тринадцатое марта
Ворвался в Выборг батальон.
Картограф начал труд сначала.
Мы вышли к синему Днестру,
Нас Бессарабия встречала.
Держа знамена на ветру. <...>
Картограф, я тебя жалею –
Как жизнь на карты нанести?
Но знаешь, нам пришлось труднее.
Ты нас уж как-нибудь прости.

Вместе с тем шла мировая война, и Германия одерживала невероятные победы. Что одновременно – несмотря на советско-германский пакт о ненападении – вселяло тревогу. Все это нашло выражение в речи Председателя Совнаркома и Наркома иностранных дел В.М. Молотова «Внешняя политика Советского Союза», произнесенной на заседании Верховного Совета СССР 1 августа

и напечатанной в «Правде» на следующий день (первая и часть второй полосы). Финальный прогноз был невесел:

Изменения, происшедшие в Европе в результате больших успехов германского оружия, отнюдь нельзя признать такими, которые уже теперь сулили бы близкую ликвидацию войны. События привели к тому, что одна сторона, особенно Германия, значительно усилилась в результате своих военных успехов, другая же сторона уже не представляет единого целого, причем, если для Англии создались новые большие трудности в продолжении войны, то вышедшая из войны Франция переживает тяжелый кризис после поражения. Усиление одной воюющей стороны и ослабление другой воюющей стороны находят серьезные отражения не только в Европе, но и в других частях мира. ...Империалистические аппетиты растут не только в далекой Японии, но и в Соединенных Штатах Америки, в которой не мало охотников прикрывать свои империалистические планы рекламной «заботой» об интересах всего «Западного полушария», которое эти господа готовы сделать своею собственностью со всеми его многочисленными республиками и колониальными владениями других стран на прилегающих к американскому материковым островам. Все это несет опасность дальнейшего расширения и дальнейшего разжигания войны, с превращением ее во всемирную империалистическую войну.

Соответственными были выводы, которые надлежало сделать всему советскому обществу:

В этих условиях Советский Союз должен проявить усиленную бдительность к делу своей внешней безопасности, к укреплению всех своих внутренних и внешних позиций. Мы провели переход с 7-часового на 8-часовой рабочий день и другие мероприятия, считаясь с тем, что мы обязаны обеспечить дальнейший и еще более мощный подъем оборонной и хозяйственной мощи страны, обеспечить серьезное укрепление дисциплины среди всех трудящихся, усиленно работать над поднятием производительности труда в нашей стране. Мы имеем немалые новые успехи, но мы не собираемся успокоиться на достигнутом. Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что «нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох». (*Продолжительные аплодисменты.*) Если все мы будем помнить об этой святой нашей обязанности, то никакие

события нас не застанут врасплох и мы добьемся новых и еще более славных успехов Советского Союза. *(Бурные, долго не смолкающие овации. Все встают.)*

По Молотову, который здесь опирается на высказывание Сталина, внешняя угроза диктовала необходимость всемерного усиления государственной мощи в экстремальных условиях «мобилизационной готовности», требующей от народа дисциплины и собранной подготовки к весьма возможной большой войне. Алармистский пафос речи Молотова был утвержден предложением А.С. Щербакова, выступившего в качестве депутата Верховного Совета с призывом одобрить выступление главы правительства без обсуждения: не время болтать. Комментируя позднее ситуацию 1940 г. и общее «напряжение», Молотов вспоминал:

Мы же отменили 7-часовой рабочий день за два года до войны! Отменили переход с предприятия на предприятие рабочих в поисках лучших условий, а жили многие очень плохо, искали, где бы получше пожить, а мы отменили⁴.

Применительно к нравственности установка на «мобилизационную готовность» расшифровывалась как особое внимание к положительным качествам советского человека. А.М. Панкратова, один из руководителей сталинской исторической науки, именно так формулировала выводы, к которым подводит сборник речей М.И. Калинина «Вопросы коммунистического воспитания» («Правда», 13 августа, 4-я полоса):

Красной нитью через все эти работы проходит важнейшая мысль о том, что главная задача нашего времени – это воспитание нового человека, гражданина социалистического общества. «У нас создается новый человек социалистического общества, – говорит тов. Калинин. – Этому новому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества».

Намек Панкратовой развернут в редакционной передовице «Коммунистическая мораль и воспитание молодежи» (27 августа):

Мы живем в эпоху борьбы двух миров – капитализма и социализма. Мы заняты стройкой коммунистического здания. Борьба за построение коммунизма идет в сложной международной обстановке, требующей от нас мобилизационной готовности, отказа от излишеств,

суровой дисциплины и большевистской организованности. Стиль нашей жизни должен быть простым и строгим. Все, что мешает великому, историческому делу народа, должно быть выметено из большого советского дома. В борьбе за чистоту в этом доме, за творческий и созидательный труд, за коммунистическую нравственность, которой учат нас Ленин и Сталин, комсомол должен занять подобающее ему большое место.

Где в обществе «мобилизационная готовность», там – «коммунистическая нравственность», «отказ от излишеств» и «суровая дисциплина».

Применительно к искусству актуальные установки, вытекающие из «мобилизационной готовности», конкретизировал М.Б. Храпченко, который, как уже упоминалось, возглавлял своего рода специальное министерство – Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров. В статье «Театр и его репертуар» («Правда», 10 августа, 4-я полоса) чиновник указал:

До последнего времени создавалось огромное количество пьес о шпионах и диверсантах. Замечательные люди нашей страны, творцы новой жизни, совершающие героические дела, были отодвинуты в сторону. С каким-то особым усердием некоторые драматурги изображали мерзость, человеческую подлость.

Новый идеологический проект определил логику казуса Авдеенко. Александр Остапович Авдеенко (1908–1996) – спецкор «Правды», молодой благополучный писатель из рабочих, автор романа о рабочих «Я люблю» (и воспоминаний «Отлучение», опубликованных в годы перестройки, где поведал о своих злоключениях) – написал сценарий фильма «Закон жизни» (режиссеры Борис Григорьевич Иванов и Александр Борисович Столпер), который «Правда» еще 12 августа рекламировала как фильм «о любви и дружбе советской молодежи» (последняя полоса). Однако 16 августа уже была опубликована редакционная статья «Фальшивый фильм» (не на 4-й, а на более идеологически значимой 3-й полосе), открывшая самую громкую кампанию 1940 г., связанную с искусством: «Но мораль фильма ложна, и сам фильм является насквозь фальшивым. Если выражаться точно, фильм “Закон жизни” – клевета на нашу студенческую молодежь». «Правда» выговаривала недалновидной газете «Кино», успевшей похвалить фильм (как, впрочем, и «Правда» от 12 августа), и обрисовывала контур актуальной пропагандистской парадигмы:

Среди советской студенческой молодежи авторы «Закона жизни» не сумели найти настоящих, положительных, ярких людей, которыми по праву гордится наша страна. ...Но вот странно, в то время, как враг Огнерубов изображен этаким завлекательным Печоринным, комсорг Сергей Паромов, как и его товарищи, показан в фильме безвольным человеком и частенько недалеким простаком.

Получается: в ситуации «мобилизационной готовности» надлежит не описывать негативное, но сосредоточиться на позитивном, дисциплине и героике. 24 августа «правдинская» статья «Фальшивый фильм: Обсуждение статьи “Правды” в киностудии “Мосфильм”» обзрела – как явствует из подзаголовка – обсуждение «Закона жизни» на той киностудии, которая выпустила этот фильм, ставший «крупным политическим и творческим провалом». Статья, подобно первой – от 16 августа, была редакционной, но печаталась на последней 6-й полосе; выступления большинства сотрудников «Мосфильма» (в частности, режиссера Б.Г. Иванова) оценивались отрицательно – как недостаточно самокритичные, но никакого продолжения не последовало. Вероятно, пропагандистский удар решили нанести не по кинематографу, а по литературе.

9 сентября состоялось совещание о «Законе жизни» в высшей инстанции – в ЦК ВКП(б). Были вызваны как Авдеенко, так и Иванов со Столпером, но разговор шел только об Авдеенко. Причем обо всех его произведениях. Авдеенко вспоминал: «Жданов напомнил присутствующим о статье в “Правде”, затем стал говорить о моих романах и повестях. Он давал им резко отрицательную характеристику»⁵.

Если на Верховном Совете 2 августа из вождей солировал Молотов, то здесь – по вопросу о литературе! – лично Сталин, который, повторяя и развивая тезисы «правдинской» статьи 16 августа, тем подчеркнул ее генерализующее значение. Сталин, потребовав от литературы «правдивости и объективности», пояснил, что это «есть правдивость и объективность, которая служит какому-то классу»⁶. Отсюда вытекал и главный порок творчества Авдеенко:

Не в том дело, что тов. Авдеенко дает врагов в приличном свете, а в том, что победителей, которые разбили врагов, повели страну за собой, он оставляет в стороне, красок у него не хватает. Вот в чем дело. Здесь основная необъективность и неправдивость. ...Откуда взялись Чкаловы, Громовы? Откуда же они взялись, ведь они с неба не падают? Ведь есть среда, которая дает героев. Почему не хватает красок на то, чтобы

показать хороших людей? Почему нет красок на то, чтобы показать плохие черты, не хватает красок на то, чтобы устроить новую жизнь? Почему нет красок на изображение жизни? Потому что он этому не сочувствует⁷.

После совещания в ЦК для Авдеенко началась «жизнь после смерти»⁸: его уволили из «Правды», исключили из Союза писателей, из партии, однако не казнили и не посадили. А Союз писателей, на который пришлось острие пропагандистской атаки, понятно осмыслил ее уроки. На совещании президиума ССП 10 сентября общее настроение эмоционально фиксировал Н.Ф. Погодин (присутствовавший на совещании в ЦК): «Что на меня произвело вчера очень сильное впечатление? То, что все знают, абсолютно все!»⁹ Далее А.А. Фадеев реферировал, что происходило накануне в ЦК, а Л.С. Соболев с замечательной ясностью подытожил идеологические результаты. Во-первых: «...сейчас в истории нашего социалистического государства, в истории нашей культуры настало то время, когда все внимание партии, правительства и всех нас, в частности наше внимание писателей, литераторов, должно быть обращено на вопросы советской морали»¹⁰. И во-вторых: «...вопрос сводится к давнишней, волнующей нас проблеме о показе положительного героя, но в этом свете этот вопрос ставится совсем иначе»¹¹.

Можно считать, что практическим результатом кампании стало хозяйственное наказание ССП: за недостаточно внимательную работу с молодыми писателями Литфонд СССР со всеми учреждениями и подсобными предприятиями и Управление по охране авторских прав были 21 сентября переданы в ведение Комитета по делам искусств, – однако никаких идеологических кар не последовало. Фадеев (после провокационного вопроса А.А. Жарова) специально привлек внимание к тому, что «там ни одного звука, ни одного слова не было сказано о линии президиума» и что писатели, «одинаково мыслящие, могут иметь различное мнение по вопросам формы»¹².

«Литературной газете» поручили – в рамках провинившегося писательского ведомства – «выступить с передовой статьей по делу Авдеенко»¹³. И «Литературная газета» выступила – с передовицей «Важнейшие задачи союза писателей» (15 сентября), где, в том числе, сообщалось, что «исключен из союза, как человек, проводивший в своих произведениях антисоветские взгляды, писатель Авдеенко».

16 и 18 сентября в пропагандистский сюжет вписали – опять же на самом высоком уровне Политбюро – «Метель»: Леонова, как

и Авдеенко, обвиняли в излишнем интересе к темным сторонам жизни; в остальном маститого классика ничто не объединяло с молодым выдвиженцем, кроме партийной интерпретации логики кампании. Интересно, что если 21 сентября Храпченко предстояло получить Литфонд и Управление по авторским правам, то 18 сентября ему грозили снятием с должности, – так что никаких приоритетов никаким ведомствам, связанным с искусством.

30 августа «Правда» в статье «Премьеры Ленинградского театра драмы им. Пушкина» (3-я полоса) квалифицировала «Метель» – вслед за предыдущими рецензиями – как «пьесу о моральной чистоте советского человека и его любви к родине» (слово «чистота», восходящее к докладу Жданова на XVIII съезде, дежурно прилагалось к пьесе Леонова ее апологетами¹⁴). Однако 22 сентября – на уровне писательской периодики – «Литературная газета» поместила статью дежурного театрального критика В. Фоменко «Клеветническая пьеса» (3-я полоса). Как и в статье «Фальшивый фильм», рецензент спорит с непроницательными предшественниками (из «Советского искусства» и «Театра») и прибегает к ключевому термину «клевета»: пьеса Леонова «остаётся злостной клеветой на советскую жизнь, на наше общество, на тот мир, который построили, в котором живут и который любят советские люди». Здесь полезно напомнить, что успех «Метели» ранее питался именно связью с разоблачением «карьеристов» и «клеветников», преследующих честных членов партии.

Аргументы обвинения в «Литературной газете» – также из «Фальшивого фильма»:

В леоновском произведении и оболочка гнилая, и плод червивый. <...> Почему хорошие люди изображены недалекими простачками (точная цитата из «Фальшивого фильма». – М. О.) или мумифицированными полудиотами, а их враги – дальновидными, культурными, решительными и тонко чувствующими сверхчеловеками?

И все-таки: «Литературка» не «Правда», да и писатели в случае Леонова выбирали более осторожные формулы. Так, 16 сентября на одном из внутренних обсуждений случая «Метели» оратор изрек:

Эта пьеса – объективная ошибка Леонова, которая вовсе не вытекает из всего его творчества и вовсе не говорит о том, что Леонов не мог бы иначе разрешить вопросы правды и дружбы, которые он там ставит. Мы все знаем, что Леонов замечательно талантливый пи-

сатель. Я убежден, что если бы вовремя было проведено творческое обсуждение его пьесы, и были бы даны указания, то Леонов не остался бы глухим к этим советам¹⁵.

В коммунистической партии Леонов не состоял, из Союза – в отличие от Авдеенко – исключать его не стали. Что, разумеется, никак не освобождало от тягостных ожиданий, страхов и переживаний.

Кстати, именно кампания «мобилизационной готовности» и «коммунистической нравственности» в литературе, очевидно, позволяет истолковать те испытания, которые во второй половине 1940 г. выпали А.А. Ахматовой. Начинался год – как и в случае Леонова – с надеждой на перемену участи: январь – поэта принимают в Союз писателей, апрель – подборка стихотворений в журнале «Ленинград», май – первый после «Anno Domini MCMXXI» сборник «Из шести книг» подписан в печать и т. п. А 25 сентября Управделами ЦК ВКП(б) сигнализировал запиской Жданову о книге Ахматовой, и Жданов накладывает резолюцию: «Просто позор, когда появляются в свет такие, с позволения сказать, сборники. Как этот Ахматовский “блюд с молитвой во славу божию” мог появиться в свет? Кто его продвинул?»¹⁶ (те же обвинительные пункты Жданова будут затем повторены в 1946 г.). Сборник Ахматовой изъяли из обращения. 27 сентября «Ленинградская правда» поместила передовицу «Активизировать творческую работу писателей»: «Разве не следовало, например, обратить внимание на вышедшую недавно книгу стихов А. Ахматовой, книгу, в которую беспечными редакторами включены и стихи неудачные, проникнутые настроениями упадочничества?».

Итак, изучение «правдинского» текста августа–сентября 1940 г. позволяет предложить объяснение не только конкретной судьбе «Метели» Леонова, но и определить некоторые общие особенности советской периодики: (1) она функционировала как эффективное средство тотальной и изменчиво-гибкой пропаганды; (2) газетные материалы за определенный срок работали как единое целое – которое обязательно к исполнению как теми, кто читает, так и теми, кто якобы «газет не читает»; (3) это позволяет привлекать прессу в качестве незаменимого источника реального комментария к произведениям искусства, и обратно: произведения искусства помогают реконструировать идеологические проекты, даже сокровенные.

- ¹ *Одесский М.П.* А.А. Жданов – Л.М. Леонов – Даниил Хармс: Очерки советской «публичной культуры» (1938–1940 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 4 (13). С. 43–57.
- ² Цит. по: *Прилетин З.* Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Мол. гвардия, 2010. С. 328.
- ³ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 15.
- ⁴ Там же. С. 36.
- ⁵ *Авдеенко А.* Отлучение // Знамя. 1989. № 4. С. 99.
- ⁶ *Сталин И.В.* Неправленая стенограмма выступления на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года // Сталин И.В. Соч.: В 18 т. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 199.
- ⁷ Там же. С. 200, 203.
- ⁸ *Авдеенко А.* Указ. соч. С. 109.
- ⁹ Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии / Отв. сост. З.К. Водопьянова. М.: Росспэн, 2010. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. С. 925.
- ¹⁰ Там же. С. 924.
- ¹¹ Там же. С. 925.
- ¹² Там же. С. 923.
- ¹³ Там же. С. 928.
- ¹⁴ *Одесский М.П.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁵ Между молотом и наковальней... С. 936.
- ¹⁶ Там же. С. 945.